Про Егора-Святогора

Ехал стар по-за́ городу,
Ехал стар по-за Киеву,
Наехал стар на три ро́станьи.
И на тех ро́станьях лежал камень,
И на том камни подписано и подрезано:
«По правой дороге — богату быть,
По другой дороге — женату быть,
По третьей дороге — убиту быть».
И вот он сел на этот камешок и призадумался:
«Для чего мне на старость богатство? — Мне не в диковинку!
А женатому мне быть — не ко младости!
Поеду я по той дороге — по убитой:
Нажился я, стар казак, на бело́м свету!
Много от меня, старого, жён вдовеет,
Много от меня малых детей сиротает».
Поехал стар по той дороге — по убитой.
Едет стар казак по чисто́му полю,
Наехал стар казак на площадь:
Дороги наделаны широки —
И поехал он на Святые горы.
Поехал стар по дороге,
Наезжает стар казак на бога́тыря.
Вскричал он богатырским голосом — не огленулся!
Па́лицей ударил — не огленулся!
Оглянулся — да в карман запехнул!
(С конём, со всем.)
Боґатырь едет дальше.

Конь и проґо́ворил: «Ну, Егор-Светогор, не могу двух богатыре́й везти: есть у тебя
боґатырь не хуже тебя!» Тоґда он вспомнил, вытащил этого боґатыря из кармана. Он
спросил, каких городов, какого племени. И назвались они братьями. «Давай, говорит, поедем к
моему папаше в гости!» Приезжают к егову папаше в гости. Служанки на

обед приготовили что
было. Сели, стали они попивать. А у его отец слепой был. И вот говорит этот сын: «Вот я, папаша,
русского богатыря привёз в гости». — «Ладно, привёз, так угощайте. Каковы у русских
боґа́тырей ручки? Я тебе, грит, пощупаю». А этот Егор предупредил: «Не давай ему руку, — давай
палицу!» Он дал ему палицу. Он жал, жал, пережал через и говорит: «Мяконьки русские
руки!»

Ну вот, долго ли, коротко ли сидели. Егор-Светогор говорит: «Ну, Илья, нам некогда сидеть!
Последний у нас сегодня, решительный бой: женщина у нас — паленица воюет. Который
которого перебьёт — замуж возьмёт». «Так давай, — говорит Илья, — поедем с тобой в чистое
поле!»

Тридцать лет они бьются с им. Вот они где место попали, где бьются, — она рыщет там,
разъезжает, шпорами — коня, ох как подъездивает! Вот Егор-Светогор говорит Илье: «Ты поезжай!
Если можешь сбить — твоё золото́ кольцо!»

Тот, делать нечего, сел на коня и поехал, а этот остался за кустиком. Подъезжает он к ей.
Она увидала. «Ох, Егор-Светогор кого послал, комара какого! Я дуну — так костей не найти!»
Она дунула — он сидит. Она и плюнула — он всё сидит. «Ах, говорит, вот какой подъехал!»
Она выхватила саблю да махнула. А Илья на это был увёрточный. Сейчас под коня! Она
копьём рассекла, а он копьём под грудь поддел, она и свалилась с коня. Он в это же время на ейного
коня соскочил, — конь стал носить по чисту полю. (Он этому коню лёгок показался, вот и
носит.) А он дёржи́тця. Долго ли, коротко ли он таскал — только всё-таки укрота́л! Подъехал он
к этому туловищу. Ну, и Егор-Светогор подъехал: «Раз ты победил, — у ей

есть кольцо,
перестень самоцветный, можешь получить. Из-за этого кольца я тридцать лет бился!»
Вот стал он это кольцо снимать. Она рукой махнула. Он под эту ейную руку попал — и
встать не может. Егор видит Светогор, что Илья не может выбиться, он схватил ее за руку и с
пальцем это кольцо отóрвал. Илья встал, — он это кольцо ему пéредал.

Вот сели на лошадей и поехали дальше по горам. Ехали, близко ли — высоко, низко ли —
далёко: два старца гроб делают на горах. Егор-Светогор спросил: «Кому вы этот гроб делаете?»
— «А не знаем, кому угодить. Ты хоть ложись, нам всё равно».

Тоґда Егор-Светогор говорит: «Я ляжу — так весь гроб раздавлю у вас!» Егор-Светогор с
коня слез и лéг в этот гроб. Как он лéг, так сейчас крышка налетела наверх. Ну, ладно. Он ослаб
весь в гробу, встать не может.

«Ну, Илья-брат, бей палицей по гробу!» (Эти старцы в это время потерялись; как
крышка налетела — а их и нету.) Когда этот Илья палицей ударил, обруч железный налетел.
Тогда Егор-Светогор сказал: «Ну, Илья, наверно мне это смерть! Не бей больше». Тоґда
Егор-Светогор говорит: «Ну, Илья, прямо против лица дырку вырежи: мне дух выпустить. Коґда
я первый дух выпущу, тот дух смотри не бери! Второй — не бери! Третий — немного хвати!»
Вот он захрапел, спустил воздух, густой пошол (сила, значит, пошла) — он того не смел
хватить! Потом второй спустил — он второго-то хватил! Вот в ём сила не может поместиться! Вот
он бросился на лес, деревья стал с кореньями рвать. Когда немного укротил свою силу, тоґда он
могилу выкопáл и этого Светогора похоронил. Коня в чисто поле отправил евонного, спустил.
Поехал к егóму отцу, к слепому старику с известием, что сына его

похоронил. Тоґда отец
сказал: «Ты — злодей, погубил ты у меня сына!»

Поехал он обратно к стольне Киев-граду. Едет он, близко ли — далёко, низко ли — высоко:
Киев-город недалекó. Встречается ему староста Микула. Он спросил его: «Что у нас нонь в городе,
никаких новостей?» — «У нас в стольнем городе Киеве всё не по-старому, всё не по-прежнему:
населился чудовище великое к князю Владимиру в дом. Князь Владимир прислугой живёт, а
княгиня Апраксея у него на коленях сидит. Ко одной выти быка съедает».

Он всё тут расспросил, как что ведётся, поехал дальше. Приезжает он в город. Там на стенушку
городовую, где застава стоит, не поехал. А перерядился каликой перехожей, взял клюку и
пошол.

Вот он приходит ’князю Владимиру на дворец, где этот чудовище живёт. А все придворные
знают, что старый идёт, пропуск давают. Заходит он в комнаты. Как раз этот чудовище сидит у
его обедает. Князь Владимир тут ему на тарелке поднашивает вроде лакея, а кнегиня Апраксея сидит
на коленях, а он жрёт. Князь Владимир видит, что стар казак зашол (добром не видит), а
сам не говорит. Это чудовище сидит и жрёт.

«А много ли у вас стар казак съедает нараз к выти?» Князь отвечает, что он очень мало ест.
А он говорит: «Какой же это богатырь? Вот мне бык — на раз!»

А Илья стоит под порогом. А он не знает: калика и калика. Илья и говорит: «У нас ведь была
обжористая корова, обожралась и пропала — и так ты пропадёшь!»

Он сейчас в это время спёхнул Апраксею, нож схватил и ножом его свиснýл, эту калеку. А
Илья на это был увёрточный. Он схватил шляпу (на его была в сорок пудов), швырнул в его —

он с простенком и улетел вон, весь там расшибся!

(Тем и закончилось.)

(Зап. А. М. Астаховой 24 июня 1928 г.: д. Лебская Лешуконского р-на — от Гольчикова Филиппа Васильевича, 40 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 3: Былины Мезени: Север Европейской России. — 2003.